

А. А. Чапаев

О неочевидных последствиях 1 марта 1881 года: к вопросу создания Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и роли доктора Н. Н. Дворяшина

Успех любых начинаний во многом зависит от того, какая личность стоит во главе и, не в последнюю очередь, от того, насколько благоприятны условия для воплощения замыслов в конкретный исторический момент. Скольким великим идеям, пришедшим в голову одним, суждено было оставаться под спудом до того, как на них не обратили свое внимание другие и/или поменялись обстоятельства? Сфера благотворительности не исключение: репутация людей, вовлеченных в этот вопрос, и их известность, личные качества и взгляды, образ жизни и принципы напрямую влияют на итоговый результат. В случае, о котором пойдет речь в данной статье, и рассматриваемая личность, и исторические обстоятельства, позволившие личности предстать в новом свете, что в конечном счете позволило реализовать давнюю идею, имеют наибольшее значение.

До настоящего времени имя Николая Николаевича Дворяшина оставалось в тени и не было предметом изучения историков. Однако наведение фокуса исследования на биографии подобных, не совсем выдающихся либо основательно забытых деятелей, подчас простых людей, порой маргиналов, позволило существенно расширить инструментарий историков в последней четверти XX в., что даже способствовало появлению целого направления в исторической

науке, получившего название микроистории¹. Важную оговорку сделал один из ее отцов-основателей, Дж. Леви: «Микроистория — это не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»². Применение в данной статье указанной оптики (не претендуя в целом на метод), позволит нам использовать биографию и «как стратегическую цель исследования и адекватное средство познания... творимого [личностью] исторического социума», что способствует «прояснению социального контекста, а не наоборот»³.

В условиях преобладающей в современной науке концепции непредопределенности исторических событий роль личности выходит на новый уровень: отказ от детерминистской парадигмы заставляет признать, что на развитие различных исторических сценариев влияет частный выбор конкретных личностей, находящихся в определенном историческом контексте⁴.

Очевидно, что к началу 1880-х гг. проблема бездомности, вызванная плохо контролируемым процессом отходничества, как минимум в крупных городах империи, уже всю требовала решения. Однако в силу ряда причин, требующих отдельного исследования, это решение до поры не находилось, а прежняя практика принуждения к труду «гулящих и слоняющихся людей»⁵ уже не соответствовала духу времени⁶. В этой связи личность основателя Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге, его персональный выбор и ответственность, а также тот исторический контекст, в котором он оказался, сыграли важнейшую роль как в создании самой организации, так и в формировании подходов к помощи бездомным. До весны 1881 г. военного врача Николая Николаевича Дворяшина (1846–1902) знал не очень широкий круг родственников и сослуживцев. Убийство Александра II не только стало рубежным событием в истории Российской империи, но и оказало существенное влияние на судьбу самого медика и на процесс создания одной из самых актуальных благотворительных организаций Санкт-Петербурга своего времени.

1 марта 1881 г. Н. Н. Дворяшин, «врач 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, находившийся случайно в здании окружного штаба... услышав крики “Государь ранен!”, бросился во дворец... “Скорее привозите ампутационный и резекционный набор”, сказал ему Круглевский. Дворяшин бросился за инструментами в квартиру Круглевского и через пять минут был обратно во дворец»⁷. Вместе с хирургом Круглевским и гофмедиком Маркусом он лично прижимал бедренные артерии, проводил бинтование травмированных ног и руки, участвовал в обсуждении тактики реанимационных мероприятий⁸.

За участие во вскрытии и бальзамировании тела при подготовке к захоронению императора Николай Николаевич был премирован высочайшим приказом суммой в 500 руб.⁹ Спустя годы газетчики, хотя и преувеличили сумму премиальных в десятки раз, но прямо указывали, что эти средства оказали решающее влияние при новой благотворительной инициативе: Н. Н. Дворяшину «высочайше пожаловано по этому случаю 30 000 рублей, которые он все отдал Обществу ночлежных домов»¹⁰.

Однако для реализации своих планов лишь денежных средств доктору оказалось недостаточно. Через несколько дней после трагедии на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» Н. Н. Дворяшин опубликовал статью с детальным описанием событий, где задавался вопросом, были ли раны императора смертельными. Резюме доктора было следующим: «Раздробление костей обеих голеней, само по себе, после двойной ампутации, не абсолютно смертельно, если бы не сопровождалось такой страшной потерей крови... Будь в этот момент вблизи знающий человек, да не потеряй голову окружавшие Государя, сделай кто-нибудь прижатие бедренных артерий или перетяни чем попало бедро целиком — Государь был бы спасен»¹¹.

Эта публикация была явно ориентирована на получение доктором дополнительного политического веса и вызывает ряд вопросов. Конечно, власти были ошеломлены произошедшим, но вряд ли до такой степени, чтобы позволить печатать статью, которая, без сомнений, привлекла к себе всеобщее внимание и сделала Н. Н. Дворяшина знаменитостью. Существовала практика, закрепленная законодательно, предусматривавшая подачу какой-либо информации о царской семье только после строгого цензурирования. Особого внимания заслуживают слова о том, что вблизи монарха не оказалось знающего человека, а окружавшие царя «потеряли голову». Это могло быть расценено как прозрачный намек на несостоятельность высших правительственных кругов. Более того, в условиях, когда по стране бродили слухи, что к покушению на царя причастны люди «из верхов», эта статья служила подтверждением этих слухов. В любом случае упреки в том, что окружение императора его «не уберегло и не спасло», приближали Н. Н. Дворяшина к тем, кто боролся за то, чтобы это самое окружение стало иным. Кроме того, уже вне зависимости от политических симпатий, Н. Н. Дворяшин в сознании общественности стал человеком, на руках которого умер царь, что уже было огромным социальным капиталом. Однако знакомство с докладами министра внутренних дел Александру III показывает, что даже такая чувствительная информация оказывалась в марте 1881 г. не в фокусе внимания августейшей особы и, уступая внешнеполитическим вопросам, развития не получила: фонд обзоров печати пестрит вырезками из газет о неудовольствии позицией Швейцарии по поводу убийства российского императора, обеспокоенности «самоуверенностью в революционном лагере на Западе Европы», «вексельным курсом на международном рынке», «интервенцией дома Ротшильдов» на этом фоне и т. д.¹²

Для понимания значимости момента важно отметить, что проблема бездомности занимала Н. Н. Дворяшина задолго до описываемых событий. Еще в 1869 г., будучи студентом Императорской медико-хирургической академии, он принимал участие в однодневной переписи столичного населения¹³. В обязанности переписчика входило обследование окрестностей Сенной площади в Спасской части: пятью годами ранее скорбный быт обитателей одного из самых крупных ее домовладений — печально знаменитого доходного дома князя

Вяземского — живописал В. В. Крестовский в своем нашумевшем романе «Петербургские трущобы». Именно в доме Вяземского, справедливо считавшемся «извечным и главным приютом всевозможных и разнородных пролетариев Петербурга, большей части голодных людей этого города»¹⁴, и довелось работать Николаю Николаевичу. Показательно, что саму перепись он рассматривал сквозь оптику специалиста-медика, отмечая позднее, что «ночлежные приюты, во множестве устроенные в этом доме... составляют гнездо всевозможных зараз»¹⁵.

По итогам переписи Н. Н. Дворяшин сделал собственные выводы и представил их на обсуждение в Центральном статистическом комитете в виде доклада о «необходимости устройства в столице ночлежных домов, сколько-нибудь удовлетворяющих требованиям гигиены». Шансы на успех были высоки, так как директор комитета П. П. Семенов (в будущем Тянь-Шанский) осуществлял общее руководство переписью. Более того, П. П. Семенов непосредственно контролировал процесс переписи в Спасской части, а значит, должен был знать Н. Н. Дворяшина в лицо¹⁶. Но выступление Н. Н. Дворяшина в Центральном статистическом комитете не имело желаемого результата, а «в силу широты поставленных задач» предложение о создании нового благотворительного общества отклика в тот момент не нашло¹⁷.

В течение последующих 10 лет Н. Н. Дворяшин регулярно возвращался к теме и в любых подходящих обществах и собраниях поднимал вопрос о необходимости устройства в столице ночлежных домов, приемлемых с санитарной точки зрения. Так, его трибуной стали Центральный статистический комитет, Общество русских врачей (дважды), Съезд естествоиспытателей, Общество охранения народного здравия (дважды), Вольное экономическое общество, Славянское благотворительное общество и Городская дума¹⁸. Увы, это не имело желаемого успеха. После одного из выступлений Н. Н. Дворяшину рекомендовали испросить покровительства Императорского человеколюбивого общества и не вступать в соревнование с маститыми государственными учреждениями, с чем, впрочем, он не спешил соглашаться: «Грех пожаловаться, что мало у нас благотворительных обществ... но нельзя не сознаться, что все-таки в воздухе слышится, будто во всем благотворительном механизме не хватает какой-то гайки»¹⁹.

Нежелание Н. Н. Дворяшина вступать под начало Человеколюбивого общества помогает объяснить историк благотворительности в Российской империи Г. Н. Ульянова: она отмечает сложную организационную структуру данного общества, в которой благотворительные заведения разных типов часто выполняли схожие задачи, тем самым дублируя друг друга²⁰. Специалист по общественным движениям А. С. Туманова отмечает и существенные ограничения для ассоциаций, поступавших под покровительство монаршего общества, которые могли превалировать в ряду очевидных преимуществ: зачастую бюрократы излишне строго следили за сословным положением благополучателей,

их ведомственной и религиозной принадлежностью, что делало помощь недоступной для многих нуждающихся и демотивировало исполнителей²¹.

Однако доктор не сдавался и опробовал новый метод распространения информации о своем проекте — опубликовал свои рассуждения в виде нескольких брошюр, общим тиражом «23 000 экземпляров и розданные знакомым и незнакомым в надежде, что прочитавший замолвит доброе слово в пользу проекта устава общества народной помощи, а когда проект будет утвержден правительством, положит хотя что-нибудь в кружку ночлежного дома»²².

Ситуация стала меняться именно после трагедии 1 марта 1881 г. Полученная за участие в попытке спасения императора премия легла в основание уставного капитала проектируемого благотворительного общества, что обеспечивало его финансовую устойчивость на первоначальном этапе. Непосредственное участие в тех роковых событиях позволило Н. Н. Дворяшину привлечь к его созданию людей, большинство которых до этого времени явно находились вне круга, в котором он жил. В этот раз к нему охотно присоединились и стали учредителями создаваемого Общества уже упомянутые П. П. Семенов и Ю. Ю. Гюбнер, подписавшие своими именами проект Устава при подаче на регистрацию в Министерство внутренних дел. Более того, следовавшие за ними 173 фамилии в списке ничуть не уступали им по статусу своих регалий²³.

Так, среди учредителей Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге оказались высшие иерархи православного духовенства (митрополит Киевский, наместник Санкт-Петербургской и Ладожской епархии, священники Казанского собора — кафедрального собора столицы), чиновники Военного министерства и Министерства путей сообщения (В. Д. Багратион-Мухранский), общественные и политические деятели (камергер высочайшего двора, гласный Санкт-Петербургской городской думы и почетный староста Казанского собора П. В. Жуковский, известный государственный деятель А. М. Безобразов), представители свободных профессий (архитекторы Б. Б. Гейденрейх и В. А. Лукашевич, солистка Мариинского театра М. И. Августинович де Лидо). Особенно впечатляет членство богатейших представителей промышленной и купеческой элиты (князь Сан-Дonato П. П. Демидов, И. В. Рукавишников, В. А. Ратьков-Рожнов, С. С. Поляков). Не остались в стороне и спутницы именитых господ — баронесса М. А. Паткуль и жена будущего генерал-губернатора Финляндии О. П. Бобрикова²⁴.

Наиболее значительной группой среди всех учредителей Общества оказались представители армии. Среди них выделялись герои последних военных кампаний (князя Н. Н. Оболенский и В. А. Барятинский и др.), а генералитет составлял около трети от всего количества служилых людей. Внушительный корпус военных, как заслуженных ветеранов, так и недавно окончивших учебные заведения, может указывать на популярность в войсках личности самого Н. Н. Дворяшина. Будучи командированным 18 июля 1876 г. на Балканы «по Высочайшему разрешению в распоряжение “Общества попечения ранен-

ных и больных воинах” на три месяца для отправления в состав подвижного лазарета с целью подаяния помощи раненым воинам Сербии», он вернулся с сербско-турецкой войны с орденами: Св. Станислава 3-й степени и орденом Такова. Балканскую награду вручал главнокомандующий Тимоко-Моравской армии по представлению князя Сербского. 13 ноября 1876 г. орден разрешено было принять и носить. Позднее высочайшим приказом от 26 декабря 1880 г. за отличную работу и усердную службу Н. Н. Дворяшин был награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁵.

Второй по степени влияния в учреждаемом Обществе стала группа гражданских бюрократов, причем более половины из них высокого ранга: из 34 фамилий, которые удалось идентифицировать в ходе исследования, 18 относятся к чинам выше 5-го класса табели о рангах. Среди них: 4 статских советника, 10 действительных статских советников, 3 тайных советников и 1 действительный тайный советник²⁶.

Включение в состав Общества чиновников, членов других известных ассоциаций и обществ способствовало повышению престижа в выбранной сфере деятельности и, вероятно, упрощению прохождения бюрократических процедур. Большим подспорьем для молодой организации стало и участие представителей прессы: П. О. Яблонского — издателя «Адресных книг города С.-Петербурга», М. И. Галанина — редактора журнала «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», А. В. Владимирского — издателя популярнейшей газеты «Петербургский листок». Пожалуй, самым деятельным оказался редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» и «народного» ежедневника «Свет» — В. В. Комаров. Спустя несколько лет он стал председателем Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и занимал этот пост вплоть до своей кончины в 1907 г.

Не умаляя целей Общества, очевидно, что для многих присоединиться к благородному начинанию человека, пытавшегося спасти императора, оказалось гораздо более привлекательным, нежели поддержать простого военного врача. В новых обстоятельствах Н. Н. Дворяшин формулировал важнейшие смыслы: призывал помочь в трудную минуту «крестьянину-труженику», за которого погиб «царь-мученик». Таким образом, объединение вокруг такого человека являлось приемлемым и даже лестным для людей, мало совместимых по социальному положению, политическим взглядам и т. д. При этом каждый из них делал вклад в общее дело, тем самым помогая Н. Н. Дворяшину распространять обеспокоенность проблемой бездомности среди самых влиятельных слоев населения, чтобы решать ее общими усилиями.

Появление целого ряда учреждений, названных в память покойного императора Александра II, отражало настроения общества. Поэтому представление Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге как «живого памятника Царю-Освободителю»²⁷ придавало проекту дополнительную привлекательность. Благотворители и вообще все имевшие к нему хоть какое-то отношение

не только помогали «ближнему своему», но и участвовали в коммеморации августейшего мученика со всеми сопутствующими тому чувствами искреннего сострадания и верноподданничества. Закономерно, что эти чувства и эмоции нашли свое воплощение как в названии первого ночлежного дома в память «в Бозе почившего императора Александра II», так и в решении перенести «празднование дня учреждения Общества на вечнопамятное русскому народу 19 февраля»²⁸.

¹ Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. М., 2011. С. 9–10.

² Ретина Л. П., Селунская Н. А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 334.

³ Ретина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 56.

⁴ Гришин Л. Е. Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4. С. 175–193.

⁵ Лавринович М. Б. «Благочиние» в действии: кто и как попадал в смиренный и рабочий дома Москвы в конце XVIII в. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М., 2014. С. 243.

⁶ Чапаев А. А. Исторический обзор становления помощи бездомным в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Пути России. 2025. Т. 3, № 2. С. 9–17.

⁷ Цареубийство 1-го марта // Исторический вестник. 1881. Т. IV. С. 897.

⁸ Дневник событий с первого марта по первое сентября 1881 г. СПб., 1881. С. 17.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 546. Оп. 2. Д. 6665. Л. 180–192.

¹⁰ Н. Н. Дворяшин // Свет. 1902. 13 мая, № 126. С. 2.

¹¹ Дворяшин Н. Н. Были ли абсолютно смертельные раны, полученные Государем Императором // Санкт-Петербургские ведомости. 1881. 6 (18) марта, № 63. С. 1.

¹² Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру III. Март 1881 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1470. Оп. 1. Д. 116. Л. 64, 72, 73.

¹³ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872–1875.

¹⁴ Крестовский В. В. Петербургские трущобы. СПб., 1993. С. 370.

¹⁵ Отчет о деятельности общества ночлежных домов в С.-Петербурге за 1883. СПб., 1884. С. 2.

¹⁶ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1: Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб., 1872. С. XIV, XVII.

¹⁷ Отчет... С. 2.

¹⁸ Дунаев Н. Н. Материалы к истории развития проекта устава «Общества помощи миром». СПб., 1882. С. IV–V.

¹⁹ Дворяшин Н. Н. Выгода в добром деле. СПб., 1881. С. 2.

²⁰ Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005. С. 270–272.

²¹ Туманова А. С. Благотворительные объединения: организационно-правовые основания и содержание деятельности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 280.

- ²² Там же. Общество народной помощи — первоначальный вариант названия будущего Общества ночлежных домов.
- ²³ Отчет... С. 13–17.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 6665. Л. 180–192.
- ²⁶ Отчет... С. 13–17.
- ²⁷ Дворяшин Н. Н. Новые задачи благотворительности. Проект устава Общества народной помощи. СПб., 1881. С. 7.
- ²⁸ Отчет... С. 1.

References

Chapaev, A. A. Istoricheskii obzor stanovleniya pomoshchi bezdomnym v Sankt-Peterburge na rubezhe XIX–XX vv. [Historical Review of the Development of Assistance to the Homeless in St. Petersburg at the Turn of the 19th–20th Centuries. In Russ.]. In *Puti Rossii*. 2025. Vol. 3, no. 2, pp. 9–17.

Dunaeva, Ju. V. (ed.). *Istoricheskaya biografiya: Sovremennye podkhody i metody issledovaniya* [Historical Biography: Modern Approaches and Research Methods. In Russ.]. Moscow, INION RAN, 2011. 172 p.

Grinin, L. E. Rol' lichnosti v istorii: istoriya i teoriya voprosa [The Role of Personality in History: History and Theory of the Issue. In Russ.]. In *Filosofiya i obshchestvo*. 2011. No. 4, pp. 175–193.

Lavrinovich, M. B. “Blagochinie” v deistvii: kto i kak popadal v smiritel'nyi i rabotnyi doma Moskvy v kontse XVIII v. [“Deanery” in Action: Who and How Got in the Moscow Correctional and Workhouses at the End of the 18th Century. In Russ.]. In Smilyanskaya, E. B. (ed.). *Gisatorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo*. Moscow, Drevlekhranilishche publ., 2014. P. 238–275.

Repina, L. P. Ot “istorii odnoi zhizni” k “personal'noi istorii” [From the “Story of One Life” to the “Personal Story”. In Russ.]. In Repina, L. P. (ed.). *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya*. Moscow, Krug publ., 2005. P. 55–74.

Repina, L. P., Selunskaya, N. A. “Obshchie voprosy” i “chastnye otvety”: neprochitannye stranitsy Dzho-vanni Levi [“General Questions” and “Private Answers”: Unread Pages of Giovanni Levi. In Russ.]. In *Dialog so vremenem*. 2020. Iss. 73, pp. 323–342.

Tumanova, A. S. Blagotvoritel'nye ob"edineniya: organizatsionno-pravovye osnovaniya i sodержanie deyatel'nosti [Charitable Associations: Organizational and Legal Basis and Activities. In Russ.]. In Tumanova, A. S. (ed.). *Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v.* Moscow, ROSSPEN publ., 2011. P. 265–314.

Ulyanov, G. N. *Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii, XIX — nachalo XX veka* [Charity in the Russian Empire, 19th — Early 20th Centuries. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 2005. 404 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Чапаев. О неочевидных последствиях 1 марта 1881 года: к вопросу создания Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге и роли доктора Н. Н. Дворяшина // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 184–192. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_184

Аннотация: В статье рассматривается роль доктора Н. Н. Дворяшина в процессе регистрации Общества ночлежных домов в Санкт-Петербурге — одной из важнейших общественных организаций, появившихся в столице Российской империи в последней трети XIX в. Значимость этой институции для Санкт-Петербурга как для главного промышленного центра страны, с каждым годом привлекавшего все больше рабочей силы, сложно переоценить. Его попечители были заняты обеспечением крестьян-отходников доступным и приемлемым с санитарной точки зрения ночлегом, в отсутствие которого вчерашний работник рисковал заболеть, превратиться в бездомного или выбрать преступный путь и стать для города не помощником, а обузой и даже угрозой. Несмотря на это, воплощение замысла доктора Н. Н. Дворяшина заняло более 10 лет: впервые он коснулся темы помощи бездомным в 1869 г., но, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, событиям пришлось сложиться самым неожиданным образом — трагически по сути, но наиболее благоприятно для реализации давно увлекавшей его идеи. Н. Н. Дворяшину буквально пришлось оказаться у смертного одра императора и только после этого он смог приступить к регистрации своего благотворительного общества. В этой связи особого внимания заслуживает то, как влияло на этот процесс изменение восприятия его личности в зависимости от исторических обстоятельств, непосредственным участником которых ему суждено было стать.

Ключевые слова: история помощи бездомным, благотворительность, гражданское общество, Александр II, Н. Н. Дворяшин, роль личности, биографика.

FOR CITATION

A. A. Chapaev. On the Unobvious Consequences of March 1, 1881: On the Issue of the Creation of the Society of Lodging Houses in St. Petersburg and the Role of Dr. N. N. Dvoryashin // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 184–192. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_184

Abstract: The article examines the role of Dr. N. N. Dvoryashin in the process of establishing the Society of Lodging Houses in St. Petersburg, one of the most important public organisations that emerged in the capital of the Russian Empire in the last third of the 19th century. The significance of this institution for St. Petersburg as the primary industrial center of the country is considerable. The organisers of this society furnished seasonal workers with affordable and hygienic lodging, a provision that would otherwise have exposed the workers to a considerable risk of illness, homelessness, and criminal exploitation, effectively transforming them from contributors to the city's economy to a burden on its resources and, in some cases, a potential threat to its stability. Notwithstanding, the implementation of Dr. N. N. Dvoryashin's concept required a period exceeding a decade. The subject of providing assistance to the homeless was first addressed by him in 1869. However, for there to be any change, events had to unfold in the most unanticipated manner. Indeed, the sequence of events was tragic, yet it proved conducive to the actualisation of the aforementioned concept. It was only after N. N. Dvoryashin's proximity to the deathbed of the emperor that he was able to initiate the registration of his charitable society. In this regard, particular attention is warranted by the manner in which this process was influenced by the shift in the perception of his personality, contingent on the historical circumstances in which he was destined to become a direct participant.

Key words: history of helping the homeless, charity, civil society, Alexander II, N. N. Dvoryashin, role of personality, biography.

Автор: Чапаев, Андрей Александрович — руководитель гуманитарных проектов МБОУ «Ночлежка», аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Chapaev, Andrey Aleksandrovich — head of the humanitarian programs of the NGO “Nochlezhka”, postgraduate, The Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: a.chapaev@mail.ru